

Большой выносной крест в России XVII–XVIII вв.

Людмила Б. Сукина

*Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия, lbsukina@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается феномен создания новых святынь в виде больших выносных крестов и их культа в России XVII–XVIII вв. Работа выполнена в рамках проблематики визуальной истории, связанной с исследованием соотношения между «символическими формами» и различными социальными и культурными «языками» общества (Ж.-К. Шмитт). Большой крест присутствовал в храмовом интерьере и религиозных ритуалах Древней Руси с первых веков христианизации. Но начало создания оригинальных, а не просто копирующих византийские образцы, памятников такого типа связывают с деятельностью патриарха Никона. Как показывают сравнительно недавние исследования, участие в этом принимала и самодержавная царская власть. Особое внимание в статье уделено двум наиболее интересным крестам, хорошо сохранившимся и известным из новосозданных в эпоху первых Романовых, но при этом не рассматривавшимся в одном историко-культурном контексте. Это Кийский крест патриарха Никона и «Корсунский крест» из Никольского монастыря в Переславле-Залесском. Первый находится у истоков новой традиции, второй завершает ее формирование уже в начале XVIII в. Оба воссоздают образ победного Константинова креста, но восходят к разным образцам — священному первообразу Креста Господня (Кийский крест) и легендарной Корсунской святыне князя Владимира (крест из Никольского монастыря). Анализ истории их происхождения и уникальных иконографических программ показывает вариативность почитания Креста Господня в России XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: русская культура XVII–XVIII вв., почитание креста, обновление традиции, иконография, вариативность

Для цитирования: Сукина Л.Б. Большой выносной крест в России XVII–XVIII вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2023. № 4. С. 73–87. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-4-73-87

Big altar cross in Russia in the 17th – 18th centuries

Liudmila B. Sukina

*Aylamazyan Program Systems Institute of RAS,
Pereslavl-Zalessky, Russia, lbsukina@gmail.com*

Abstract. The article deals with the phenomenon of creating new shrines in the form of large altar crosses and their cult in Russia in the 17th – 18th centuries. The work was carried out within the framework of the problematic of visual history associated with the study of the relationship between “symbolic forms” and various social and cultural “languages” of society (J.-C. Schmitt). The big cross was present in the temple interior and religious rituals of Old Russia from the first centuries of Christianization. But creating original, and not just copying Byzantine samples, monuments of such a type is associated with the activities of Patriarch Nikon. As comparatively recent studies show, the autocratic tsarist government also took part in that. Particular attention is paid to the two crosses, being the most interesting and well-preserved and famous of the newly created in the era of the first Romanovs, they however, were not considered in the same historical and cultural context. Those are the Cross of Kiy-Island of Patriarch Nikon and the “Korsun Cross” from the St. Nikolas Monastery in Pereslavl-Zalessky. The first is at the origins of a new tradition, the second completes its formation already at the beginning of the 18th century. Both recreate the image of the victorious Cross of Constantine, but go back to different models – the sacred prototype of the Cross of the Lord (Cross of Kiy-Island) and the legendary Korsun shrine of Prince Vladimir (the cross from St. Nikolas Monastery). An analysis of the history of their origin and unique iconographic programs shows the variability in the veneration of the Holy Cross in Russia in the 17th – 18th centuries.

Keywords: Russian culture of the 17th – 18th centuries, veneration of the cross, renewal of tradition, iconography, variability

For citation: Sukina, L.B. (2023), “Big altar cross in Russia in the 17th – 18th centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 73–87, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-4-73-87

Известный французский историк-медиевист Жан Клод Шмитт отмечает, что в круг исторической проблематики, связанной с изучением изображений, входит проблема соотношения между «символическими формами» и различными социальными и культурными «языками» общества [Шмитт 2002, с. 14–15]. В настоящей статье эта проблема рассматривается в рамках исследования феномена создания новых святынь – больших выносных крестов, а также их культа в России XVII–XVIII вв.

Победные выносные кресты были известны в Средневековье как на Востоке, так и на Западе христианского мира. Во время религиозных действий и процессий они служили символами торжества христианства. Существует давно и хорошо аргументированное мнение, что такой тип креста был распространен и на Руси в первые века ее христианизации [Смирнов 1975, с. 24–40]. В последующее время большие кресты также оказывались в русских храмах. Они были не только в Москве, но и в Новгороде, Ярославле, Дмитрове и других городах. Некоторые из них не сохранились и известны только по источникам, происхождение и роль в религиозных ритуалах большинства не документированы и плохо поддаются реконструкции¹. По форме и иконографии они, вероятнее всего, воспроизводили другие, более древние аналогичные памятники.

Активный интерес к форме большого выносного креста возродился в России в середине XVII в. Н.Ф. Каптерев связывал его с деятельностью патриарха Никона². Но, как показывают сравнительно недавние исследования, участие в создании новых святынь такого типа и продвижении их культа принимала и самодержавная царская власть [Гнутова, Щедрина 2006]. Появившиеся в период обновления русской культуры, они отличались от предшествующих образцов оригинальными иконографическими программами и более сложным декоративным оформлением, также несущим определенную часть смысловой нагрузки.

Мы уделим особое внимание двум интересным крестам из созданных в эпоху первых Романовых – оба они хорошо сохранились, оба довольно известны, однако ранее они не рассматривались в одном историко-культурном контексте. Это Кийский крест патриарха Никона и «Корсунский крест» из переславского Никольского монастыря, который исследователи традиционно связывают с деятельностью будущего нижегородского архиепископа Питирима. Первый из крестов находится у истоков новой традиции, второй завершает ее формирование уже в начале XVIII в.

¹См.: *Владимир, иеромонах*. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом. М., 1881; *Касаткин Д.В.* Сказание о древнем чудотворном кресте Господнем, находящемся в Успенском соборе г. Дмитрова Московской губернии. Дмитров, 1895; *Саликова Э.П.* Запрестольный крест XVII века с живописными клеймами из собрания Государственных музеев Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1991. Вып. 8. С. 32–47.

²*Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 62.

Кийский крест

Появление в России Кийского креста произошло в контексте мероприятий царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, связанных с возвеличиванием святости русской земли и развитием появившейся еще в XVI в. идеи «Москва – новый Иерусалим». С.В. Гнутова и К.А. Щедрина выдвинули (со ссылкой на давнюю работу прот. Льва Лебедева), а затем детально обосновали предположение, что основание трех связанных с именем Никона монастырей, Иверского Валдайского, Крестного на Кий-острове и Воскресенского Ново-Иерусалимского, было очередным этапом осуществления идеи по формированию единого сакрального пространства Русского государства как образа обетованной земли Царствия Небесного [Гнутова, Щедрина 2006, с. 681–705]³.

Иконографическая программа каждого из монастырей, как показала К.А. Щедрина, выстраивалась в соответствии с определенным сакральным образцом. При этом две географические реалии, русская и палестинская, соединялись в один из вариантов образа рая [Щедрина 2002, с. 17]. В эту программу входило и создание новых святынь, являющихся подобием древних реликвий.

Такой святыней стал и большой крест, предназначенный для монастыря на Кий-острове на Онежском озере (ил. 1). Целью строительства обители, по всей видимости, было создание одного из образов Святой Земли, призванных трансформировать сакральное пространство Русского Севера. Монастырь должен был составить «палестинскую» пару для ближайшей прославленной древнерусской святыни – Соловецкого монастыря [Щедрина 2002]. Но если прототипом для Ново-Иерусалимского монастыря служил храм Гроба Господня, а для Иверского – одноименная обитель на Афоне, то вопрос об образце для Кийского монастыря остается открытым. Позволим себе предположить, что география местности – голая возвышенность, а также семантика главной святыни указывают на то, что в качестве сакральной модели основателям монастыря могла служить гора Голгофа. Подчеркнем, что двумя храмами монастыря были Воздвиженский собор и церковь в честь праздника Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. А сам Кийский крест первоначально стоял на большом камне, заме-

³См. также: *Лебедев Лев, протоиерей*. Богословие Русской земли как образа обетованной земли Царства Небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI–XVII вв.) // Тысячелетие крещения Руси: международная церковно-историческая конференция. Киев, 21–28 июля 1986 г.: Материалы. М., 1988. Т. 2. С. 86.

*Ил. 1. Кийский крест патриарха Никона.
Середина XVII в. Церковь Сергия Радонежского в Москве
Современная фотография*

ненном позже ступенчатым подиумом. Если наша логика верна, то это еще раз подтверждает сомнения С.В. Гнутовой и К.А. Щедриной в справедливости легенды об исключительно личных мотивах патриарха Никона для основания монастыря (спасение во время бури, установка обетного креста, обретение креста неповрежденным 13 лет спустя) [Гнутова, Щедрина 2006, с. 682–685].

Иеротопия интерьеров обоих монастырских храмов пока не реконструировалась. Из старой литературы и по фотоматериалам известно, что главенствующее место в соборе было отведено Кийскому кресту, который находился в иконостасе на месте храмовой иконы. После разорения монастыря в советское время крест сохранился и ныне пребывает в московской церкви Сергия Радонежского в Крапивниках как отдельная святыня вне целостной иконографической программы.

Сам Кийский крест имеет довольно обширную историографию. Его неоднократно исследовали и в последнее время, что позволило уточнить некоторые детали.

Клирик патриарха Никона Иван Шушерин подчеркивал, что Кийский крест был «высотой, и шириной во всем подобен кресту Христову»⁴ (310 × 192 × 8 см). Он изготовлен из кипариса и имеет семиконечную форму. В крест было вмонтировано около 300 святынь, в том числе, частица Древа Животворящего Креста Господня, небольшие камни с мест библейских событий, мощи восточнохристианских и русских святых. В вертикальную основу врезали 6 резных четырехконечных крестов, привезенных с Афона. С обеих сторон крест был обложен слюдой и серебром, украшен изображениями праздников. Т.М. Кольцова справедливо отмечает, что программа декора Кийского креста не имела аналогов ни в византийском, ни в западном, ни в древнерусском искусстве⁵.

Такой тип креста (по его форме) О.В. Губарева определяет как «Голгофский». Он воспроизводит «Истинный Крест Христов», найденный равноапостольной Еленой, матерью императора Константина при раскопках на горе Голгофе. Его вытянутая форма с двумя или тремя поперечными перекладинами символизировала связь с искупительной жертвой [Губарева 2015, с. 65].

Эта семантика Кийского креста была подчеркнута в свое время размещением справа и слева от него «ктиторских» образов равноапостольных Константина и Елены, царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, патриарха Никона. Однако, как показала К.А. Щедрина, надписи на свитках предстоящих свидетельствуют в пользу того, что в посвящении монастырского собора Воздвижению Креста мыслилась похвала не столько Обретению Животворящего Древа в Иерусалиме, сколько видению небесного Знамени Креста императору Константину [Щедрина 2003, с. 55–66]. То есть первоначальная семантика Голгофской искупительной жертвы была обогащена идеей преемственности «от Рима» не только веры, но и власти, которую символизировало императорское знамя-лабарум, образ которого был дарован Господом. Видимо, неслучайно крест на Кий-остров по распоряжению царя из Москвы торжественно сопровождало не только духовенство, но и рота драгун со 108-ю большими и малыми чугунными пушками, запасом ядер и пороха, бердышами и барабанами⁶.

⁴ [Шушерин И.К.] Житие святейшего патр. Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784. С. 52.

⁵ Кольцова Т.М. Кийский крест // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33. С. 424–428.

⁶ Гаголев А. О древних зданиях и святынях Крестного монастыря на острове Кий // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 7. Смесь. С. 4.

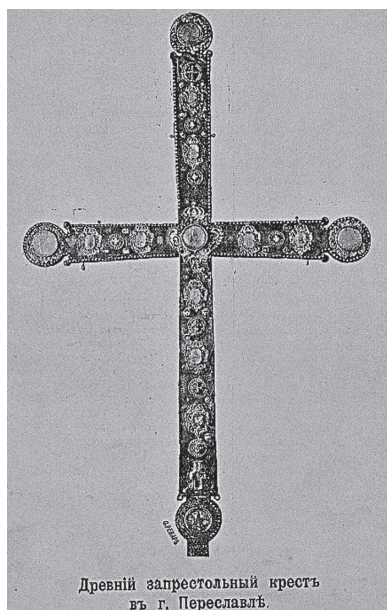
Ил. 2. Икона «Кийский крест с предстоящими». 1670-е гг. Государственный исторический музей

Кийский крест быстро стал чтимой святыней. Его копии, в том числе уменьшенные, разошлись по многим северным монастырям. Образ креста с фигурами ктиторов был использован для икон «Поклонение Кийскому кресту», распространенных в XVII–XVIII вв.⁷ (ил. 2).

«Корсунский крест»

Другая история связана с более поздней и тоже известной региональной святыней – «Корсунским крестом» из переславского Никольского монастыря (ил. 3). Долгое время он хранился в Переславль-Залесском музее-заповеднике и в инвентарной карточке

⁷ Подробнее см.: Пастернак О.П. Иконография «Кийского креста» и его повторения XVIII в. // Оригинал и повторение в живописи: Экспертиза худож. произведений: Сб. науч. тр. ВХНРЦ, М., 1988. С. 47–60. После нескольких перемещений с 1991 г. Кийский крест патриарха Никона находится в церкви Сергия Радонежского в Крапивниках (Москва).

Ил. 3. «Корсунский крест»

из Никольского монастыря Переславля-Залесского.

Первая четверть XVIII в. (?)

Фотография конца XIX в.

был обозначен как «крест корсунский, четырехконечный, дубовый, византийской формы XVI–XVII вв.»⁸.

Крест имеет внушительные размеры: 208 (с рукоятью 239) × 135 см. Его нижняя ветвь заметно длиннее остальных. Деревянная основа обита золоченой медью и украшена тридцатью серебряными дробницами-мощевиками (по 15 с каждой стороны), обрамленными серебряными картушами. По полю креста с лицевой и обратной стороны разбросаны касты с ограненными цветными стеклами и кабошонами полудрагоценных камней, а также небольшие крестики из яшмы, лазурита и других самоцветов.

⁸В настоящее время «Корсунский крест» находится в Никольском соборе действующего женского Никольского монастыря в г. Переславле-Залесском. Он установлен в специальной витрине перед солеей главного компартамента храма, справа. При этом крест принадлежит коллекции Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (инв. № 1711).

Дробницы украшены гравированными изображениями Христовых праздников, восточных и русских православных святых.

На лицевой стороне креста дробницы расположены в следующем порядке: в средокрестии – Распятие с Богородицей и Иоанном Предтечей (первоначальная дробница утрачена и заменена поздней ромбовидной пластиной с изображением того же сюжета); на концах (по кругу слева направо) – Рождество Христово, Сошествие Святого Духа, Положение во гроб, Сошествие во Ад; на ветвях – Димитрий Солунский, Иоанн Богослов, Иоанн Предтеча, Василий Анкирский, Георгий Победоносец, апостол Павел, Федор Тирон, великомученик Виктор, Федор Стратилат, князь Федор Смоленский с чадами Давидом и Константином.

На оборотной стороне: в средокрестии – Воскресение (Восстание из гроба); на концах – Въезд в Иерусалим, Благовещение, Успение Богородицы, Сретение Господне; на ветвях – мученица Христина, мученик Евстратий, Василий Амасийский, св. Агафоник, св. Меркурий, великомученица Марина, великомученик Орест, архиепископ Игнатий Ростовский, архиепископ Исаяя Ростовский, князь Василий Ярославский.

Сохранившиеся документы Никольского монастыря не дают никаких сведений о происхождении «Корсунского креста». О предположительной древности этого памятника высказывался дореволюционный исследователь церковной старины А.И. Свирелин⁹. Отнесение креста к памятникам «корсунского дела», которыми так увлекались исследователи того времени¹⁰, Свирелин аргументировал схожестью с якобы таким же древним запрестольным «корсунским крестом» из Успенского собора Московского Кремля, получившим известность в церковной археологии благодаря рисункам и описанию Ф.Г. Солнцева в «Древностях Российского государства»¹¹. Из этого сравнения А.И. Свирелин сделал смелый вывод, что переславский крест – подлинная «корсунская святыня», принесенная из Киева в Суздальскую землю в конце X или начале XI в. Свой декор

⁹ *Свирелин А.И.* Древний запрестольный крест в городе Переславле-Залесском // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1900. Кн. 2. С. 1–20.

¹⁰ См.: *Корзухина Г.В.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: по материалам литвя // Византийский временник. М., 1958. Т. 14. С. 129–137.

¹¹ Древности Российского государства. М., 1849. Т. 1. С. 49–50. Ил. № 27–28. В настоящее время крест из Успенского собора Московского Кремля имеет значительно более позднюю и довольно широкую датировку (между 1638 и 1701 гг.). См.: Христианские реликвии в Московском Кремле / Авт.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 180–183.

она получила позже, а во второй половине XVII в. была привезена из Суздаля в Переславль некими почитателями старины¹².

По форме переславский крест действительно принадлежит к древнему типу за престольных крестов, восходящих к образу креста императора Константина, явившегося ему перед Мильвийской битвой. Один из таких крестов, по сообщению неизвестного византийского автора конца VIII – начала IX в., украшал площадь Константинополя: «В северной части форума стоит крест <такой>, каким увидел его на небе великий Константин, позолоченный и с круглыми шарами [яблоками] на концах» [Смирнов 1975, с. 36].

Кресты, подобные Константинову, в Средневековье встречались в алтарях храмов Сирии, Армении, Грузии и на Афоне [Смирнов 1975, с. 24–40]. Вполне возможно, что и на Русь они попали из Византии довольно рано. Благодаря «Корсунской легенде» из «Повести временных лет» в церковно-археологических публикациях XIX в. их стали именовать «корсунскими», хотя в летописи и не указано, что Владимир вывез из Корсуни какой-либо большой крест.

Ветви креста из переславского Никольского монастыря, как и его византийских образцов, заканчиваются дисками. Из глубокой древности идет и традиция обнизывать крест по периметру бусинами и жемчугом, украшать драгоценными и полудрагоценными камнями и снабжать его крючками и кольцами для переноски во время крестных ходов. В средокрестии с разных сторон изображены «Распятие»¹³ и «Воскресение» как ведущие сюжеты литургического действия.

В XI–XII вв. концы византийских за престольных крестов обычно украшали изображения Богоматери, Иоанна Крестителя, Архангелов Михаила и Гавриила, святых Димитрия Солунского, Георгия Победоносца, Федора Стратилата и Николая Мирликийского. Иконографическая программа декорации переславского креста гораздо сложнее. Она включает drobницы с мощами и изображениями святых Ростовской митрополии, большинство из которых удостоились общерусского почитания только в XVI в. На почетных местах на обеих сторонах верхней ветви расположены мощевики святых Василия Амасийского и Василия Анкирского, известных как ревнители чистоты веры и борцы с ересью. Такая программа, вероятно, была обусловлена обстоятельствами (к сожалению, нам достоверно неизвестными), связанными с созданием этого креста.

¹² Корзухина Г.В. Указ. соч.

¹³ Возможно, первоначально на этом месте была drobница с гравированным изображением другого великого христологического праздника «Богоявления», которая сейчас хранится в музее отдельно.

В древности победные выносные кресты должны были убеждать новообращенных язычников и еретиков в торжестве истинного христианства и играли важную роль в религиозных процессиях как на православном Востоке, так и на католическом Западе. Актуализация формы большого креста, символизирующего триумф Константина, в России XVII в. пришлась на время церковной реформы и последующей борьбы со старообрядцами, не прекратившейся и в петровскую эпоху.

В связи с этим можно согласиться с А.И. Свирелиным, который связывал перемещение «Корсунского креста» в Никольский монастырь с деятельностью раскаявшегося расколоучителя Питирима¹⁴. С 1704 г. Питирим был в монастыре строителем, а с 1713 г. игуменом. С начала XVIII в. он уже выступал в роли активного борца с расколом, за что заслужил поставление в 1719 г. на Нижегородскую епархию [Морохин 2009, с. 11–16]. Связей с переславским Никольским монастырем Питирим не обрывал до конца жизни. Современному биографу архиепископа Питирима А.В. Морохину удалось установить, что в 1720–1730-е гг. при нем постоянно находился иеродьякон этой обители Иаков, позже ставший ее настоятелем [Морохин 2009, с. 16]. Обратим внимание, что среди мощевиков переславского креста есть ковчежец с мощами апостола Павла (возможно, святого покровителя Питирима по его мирскому или предыдущему монашескому имени), также пережившего обращение в истинную веру.

Но связать создание «Корсунского креста» исключительно с Питиримом мешает как сложность его иконографической программы с упоминанием имен многих святых, так и высокая стоимость материала и работы. Кроме того, непростой задачей был сбор частиц мощей для ковчежцев, для чего требовалось время и серьезные «организационные» усилия. Реставратор и исследователь креста В.В. Игошев отмечает, что украшающие крест мощевики являются редчайшим элементом оформления, так как аналогичные древнерусские памятники обычно не содержали священных реликвий [Игошев 2020, с. 166]. Возможно, «Корсунский крест» был плодом совместного «усердия» монастырских властей и влиятельных благотворителей обители.

Стилистические особенности декора креста подтверждают его создание, вероятно, в первые десятилетия XVIII в., как и предполагает В.В. Игошев [Игошев 2020, с. 167]. Изображения на дробницах выполнены в «гравюрной» манере. А обрамляющие их картуши с европейскими «императорскими» коронами не оставляют сомне-

¹⁴ Свирелин А.И. Указ. соч. С. 18.

ний в принадлежности к стилю барокко. Таким образом, «Корсунский крест» является таковым по типу, а не по происхождению, и скорее всего был привезен в Переславль не из Суздаля, а из какого-то другого места (В.В. Игошев стилистически связывает его с московскими серебряниками [Игошев 2020, с. 48]).

Крест создавался для главного монастырского собора, строительство которого было завершено в 1721 г. Он упоминается в монастырской описи конца XVIII в. среди существенного соборного имущества («на горнем месте крест большой серебряной обложен медью») ¹⁵. После ремонта Никольского собора в 1890-е гг. «Корсунский крест» был вынесен из алтаря и поставлен «на завороте к левому клиросу» ¹⁶. Использовался ли он как процессуальный (об этой функции свидетельствуют имеющиеся на нем и упомянутые выше специальные крепления), неизвестно.

Заключение

Итак, оба рассмотренных нами памятника воссоздают образ победного Константинова креста, но восходят к разным образцам – священному первообразу Креста Господня (Кийский крест) и легендарной Корсунской святыне князя Владимира (крест из Никольского монастыря). Моделью для первого, видимо, послужила какая-то афонская святыня (напомним, что он включает в себя малые кресты, привезенные с Афона), наиболее очевидной для второго следует считать крест второй половины XVII в. из Успенского собора Московского Кремля (именно его легенду использовал А.И. Свирелин для доказательства древности переславского «корсунского экземпляра») (ил. 4). При этом кресты с Кий-озера и Никольского монастыря созданы на основе уникальных иконографических программ, в которых претворились оригинальные идеи почитания Креста Господня. Оба креста представляют собой реликварии, наполненные частицами мощей, но существенно различаются деталями формы, символикой общей композиции и ее элементов, художественным решением декора и нюансами религиозного культа на местах. Последние обстоятельства обусловлены, в том числе, изменившимися со временем эстетическими требованиями и религиозными задачами. Еще одна заметная общая черта обоих памятников – использование приема «крест в кресте». В «Кийском

¹⁵ Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 327. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 3.

¹⁶ *Делекторский Ф.П.* Николаевский женский монастырь в городе Переславле Владимирской губернии. М., 1904. С. 25.

*Ил. 4. «Корсунский крест»
из Успенского собора Московского Кремля.
Вторая половина XVII в. (?)
Рисунок Ф.Г. Солнцева. 1840-е гг.*

кресте» вывезенные из Афона реликвии врезаны в его «тело». А в «Корсунском» небольшие наперсные крестики более раннего времени (их датировку еще предстоит установить) смонтировали на поверхности, наравне с другими «украшениями», такими как касты с полудрагоценными камнями и цветным стеклом. Создание таких новых во всех смыслах святынь было возможно только в период активного и творческого реформирования религиозной жизни и культуры России в предпетровское и петровское время.

Литература

Гнутова, Щедрина 2006 – Гнутова С.В., Щедрина К.А. Кийский крест: Крестный монастырь и преобразование сакрального пространства в эпоху патриарха Никона // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 681–705.

- Губарева 2015 – *Губарева О.В.* Иерусалимский крест в восточно-христианской традиции // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 4 (20). С. 65–85.
- Игошев 2020 – *Игошев В.В.* Художественное серебро XV–XVIII вв. из Переславль-Залесского музея-заповедника. М.: БуксМАрт, 2020. 391 с.
- Морохин 2009 – *Морохин А.В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим: Церковный деятель эпохи перемен. Н. Новгород: Книги, 2009. 272 с.
- Смирнов 1975 – *Смирнов А.П.* Выносной крест греческой работы XI–XII вв. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М.: Наука, 1975. С. 24–40.
- Шмитт 2022 – *Шмитт Ж.-К.* Историк и изображения // Одиссей: Слово и образ в средневековой культуре. 2002. М.: Наука, 2002. С. 9–29.
- Щедрина 2002 – *Щедрина К.А.* Некоторые историко-богословские аспекты монастырского строительства патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М.: Северный паломник, 2002. С. 15–22.
- Щедрина 2003 – *Щедрина К.А.* «Крест императора Константина Великого»: к вопросу иконографии: Ставрографический сборник. М.: Московская Патриархия; Древлехранилище, 2003. Кн. 2. С. 50–66.

References

- Gnutova, S.V. and Shchedrina, K.A. (2006), “Cross of Kiy-Island. The Holy Monastery and the transformation of the sacred space in the era of Patriarch Nikon”, *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi* [Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and Old Russia], in Lidov, A.M. (ed.), Indrik, Moscow, Russia, pp. 681–705.
- Gubareva, O.V. (2015), “Jerusalem cross in the Eastern Christian tradition”, *St. Tikhon's University Review Series V: Issues of History and Theory of Christian Art*, vol. 20, no. 4, pp. 65–85.
- Igoshev, V.V. (2020), *Hudozhestvennoe serebro XV–XVIII vekov iz Pereslavl'-Zalesskogo muzeja-zapovednika* [Artistic silver of the 15th – 18th centuries from the Pereslavl'-Zalessky Museum-Reserve], BuksMArt, Moscow, Russia.
- Morokhin, A.V. (2009), *Arkhiepiskop Nizhegorodskii i Alatyrskii Pitirim. Tserkovnyi deyatel' epokhi peremen* [Archbishop of Nizhny Novgorod and Alatyr Pitirim. Church leader of the era of change], Knigi, Nizhny Novgorod, Russia.
- Smirnov, A.P. (1975), “Altar cross of Greek work of the 11th – 12th cent.”, *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi* [Old Russian art. Foreign connections], Nauka, Moscow, Russia, pp. 24–40.
- Schmitt, J.-K. (2022), “Historian and Images”, *Odissei: Slovo i obraz v srednevekovoi kul'ture* [Odysseus. Word and image in Medieval culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 9–29.
- Shchedrina, K.A. (2002), “Some historical and theological aspects of the monastery construction of Patriarch Nikon”, in *Nikonovskie chteniya v muzee “Novyi Ierusalim”*

[Nikon Conference at the “New Jerusalem” museum], Severnii palomnik, Moscow, Russia, pp. 15–22.

Shchedrina, K.A. (2003), “ ‘Cross of Emperor Constantine the Great’. On the question of iconography”, *Stavrograficheskii sbornik* [Stavrographic collection], vol. 2, Moskovskaya Patriarkhiya, Drevlekhramilishche, Moscow, Russia, pp. 50–66.

Информация об авторе

Людмила Б. Сукина, доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский, Россия; 152021, Россия, Ярославская обл., Переславль-Залесский, Веськово, Петра Первого ул., д. 4 «а»; lbsukina@gmail.com

Information about the author

Liudmila B. Sukina, Dr. of Sci. (History), associate professor, Aylamazyan Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky, Russia; bld. 4 “a”, Petra Pervogo St., Ves’kovo, Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, Russia, 152021; lbsukina@gmail.com